

Александр Малиновский

Новое имя

Повесть

Самара
2006

Александр Малиновский

Новое имя: Повесть. – Самарское отделение Литературного фонда России, 2006. – 56 с.

ISBN 5-9597-0041-7

Русский писатель Александр Малиновский известен читателю циклом рассказов, повестей, романов, в которых говорится о сложных взаимоотношениях современного человека и нашего непростого времени. Но ему интересен как писателю и мир детей, и животных.

Это проявилось достаточно сильно в детской повести «Под старыми клёнами», которая отмечена в 2004 г. Всероссийской литературной премией. Тема природы зазвучала особенно сильно и в его недавно вышедшей повести «В плену светоносном».

И вот теперь перед нами небольшая по объёму повесть «Новое имя», но сколько тем и вопросов затрагивает в ней писатель!

О чём эта повесть? О человеческом одиночестве? О братьях наших меньших? О чувстве долга и порядочности? Да, всё это читатель найдёт в книге.

Эта, кажущаяся, на первый взгляд, такая простая, повесть имеет массу глубинных течений и подтекстов. Вдумчивый читатель почувствует на какие глобальный вопросы выходит писатель. Александр Малиновский не даёт прямых ответов, он приглашает читателя к диалогу. В конце концов, у каждого своё право увидеть главное и судить о нём.

А главное для Александра Малиновского – вера в светлое в человеке, вера в его разум.

© Малиновский А. С., 2006.

Глава 1. С НЕБА НА ГОЛОВУ

Она не поняла, как всё произошло. Подвело любопытство. Они втроем обследовали на крыше девятиэтажного дома небольшое, похожее на домик серое сооружение.

Заглянув внутрь, кошка сорвалась в вентиляционный канал, который проходил в стене кирпичного дома. Её подружки убежали.

Известно, что кошки умеют падать с большой высоты и оставаться невредимыми.

Она провалилась в кромешную темноту. Канал оказался узким. Кошка несколько раз крепко ударилась о кирпичи, но ушиблась не сильно.

Пролетела она до шестого этажа и застряла в стене на кухне Сергея Сергеевича.

Он в это время был дома. День только начинался, а хозяин был уже на ногах.

Сергей Сергеевич обычно долго не спал. Более тридцати лет работал на непростом производстве, привык рано вставать. Немногие меняют свои привычки, когда тебе под семьдесят.

Он услышал жалобное мяуканье и пошёл на кухню.

«Что за наваждение? — подумал Сергей Сергеевич. — Ночью снился завод, звучали голоса ребят, с которыми когда-то начинал работать, теперь вот это?»

Кошки на кухне не было, но мяуканье продолжалось.

Он приблизился к окну, на карнизе — никого. Да и как кошка могла там оказаться? Повернулся в недоумении, рассеянно скользя взглядом по стене. И догадался.

Звуки доносились из вентиляционного отверстия, обрамлённого пластиковой узорчатой решёткой.

Хозяин всегда подозрительно относился к этому окошечку. Из него могли заползти в квартиру тараканы. Этих тварей он терпеть не мог. Но закрыть чем-либо отверстие не решался: вентиляция на кухне как-никак нужна. Зимой он заменил решётку, заодно поставил мелкоячеистую синтетическую сеточку, и был этим доволен.

...Жалобное мяуканье продолжалось.

Сергей Сергеевич достал из шкафа в коридоре внушительных размеров отвёртку и, решительно придвинув кухонный табурет к стене, встал на него.

Его приличного роста вполне хватило, чтобы дотянуться и поддеть решётку...

Со второго раза решетка вместе с сеткой повисла на отвертке, потом скользнула к кисти руки.

Едва это случилось, как из отверстия сначала на плечо хозяина квартиры, потом на пол соскочило чумазое существо. И тут же оказалось около входной двери. Кошачьи глаза горели жёлто-зелёным огнём.

Сергей Сергеевич не спеша, добродушно посмеиваясь, прошёл в коридор и открыл дверь.

Кошка шустро выскочила из квартиры.

«Вот ведь! Ни спасибо тебе, ни до свидания», — развёл руками хозяин и направился ставить решётку на место.

* * *

Вечером мяуканье повторилось. Теперь оно сопровождалось настойчивым поскрёбыванием когтями.

Хозяин открыл дверь.

У порога сидела всё та же кошка.

С широко открытыми глазами она шагнула через порог и начала «бодаться» головой в ноги Сергея Сергеевича. На её языке это означало благодарность и проявление признаков доверия.

Хозяин не знал кошачьего языка, но кое-что понял.

Он отступил в квартиру, кошка последовала за ним.

— Хотя я и не очень-то люблю кошек, но куда деваться? Жить тебе, видать, нигде? Входи! Но не обольщайся. В любовь с первого взгляда я уже не верю. Всё это со мной было. Теперь я тоже, можно сказать, один.

Он расправил свернувшийся половичок у двери.

— Вот, попробуй здесь обосноваться, потом что-нибудь придумаем. Сейчас колбасу принесу.

С удивлением наблюдая, как кошка не сразу стала есть колбасу, а сначала неторопливо обнюхала её и лишь потом начала кусать, он говорил раздумчиво:

— Ладно, попробуй пожить у меня. Как же ты оказалась сиротой-то?

Кошка чувствовала, что человек ей попался добрый и её не выгонит. Она знала о себе немного. Но, если бы могла говорить...

Хозяева уехали в другой город и оставили её одну. Прибежала домой, но было поздно: машина, гружёная вещами, скрылась за большим домом.

Кошка помнила, как маленькая девочка называла её Лизой. Помнила лёгкую ладошку, когда она гладила её по голове. Потом её уже никто не гладил.

* * *

— Как тебя зовут? — спрашивал кошку вечером хозяин. — Глаша, Анфиса, Клара, Мурка, Лиза?

При слове «Лиза» она насторожилась. Это не ускользнуло от Сергея Сергеевича.

Он поспешил:

— Нет, нет, Лизаветы с меня хватит! Так звали мою жёнушку... Может, Муркой назвать? Нет, слишком неново. Давай я буду тебя звать Сима, а? У меня сестру старшую так звали. Доброе имя! Сестра отзывчивая была. Меня любила. Ты, разумеешь, что я говорю? Мне хочется, чтобы ты была доброй.

Кошка, внимательно слушая, сидела рядом.

— Начнём нашу жизнь сначала, — говорил он, шурша большой газетой, — имя в жизни многое значит!

Хозяин знал, что говорил. У него была фамилия Мамин. Уже в третьем классе его стали звать Мамин-Сибиряк. А потом и вовсе приклеилось прозвище «Серая шейка». Учился в школе, жил с этим несерьёзным утиным именем. Переживал, протестовал, а что толку?

— Ну, что? Симой будем называться? — неестественно весело спросил хозяин. — Новое имя как новая жизнь!

* * *

Так и стали жить в одной квартире неработающий пенсионер Сергей Сергеевич Мамин и кошка Сима. Был у Мамина сын Эдуард, неродной. Вернее, так и не ставший родным. Но он жил отдельно, на другом конце города.

Если Сима почти ничего не помнила из своего прошлого, то Сергей Сергеевич-то помнил.

В семейной жизни ему не повезло. Разные оказались характеры у супругов. Он — спокойный и деликатный. Она — взрывная, брызжущая энергией.

— Тебе постоянно нужны овации, — говорил он. — Но мы же не на сцене, не на манеже!

Когда она случайно узнала, что в школе его звали Серой шейкой, то, кажется, даже обрадовалась:

— Видишь, я не зря тебя зову Серый квадрат (она имела в виду это сочетание: Сергей Сергеевич). Каким ты был — таким ты и остался на всю последующую свою жизнь.

Он сердился на неё, но ничего поделать не мог. А с манежем будто накаркал. У неё были неудачные роды. Сын умер, не прожив и сутки. Через год она ушла от Сергея Сергеевича. Точнее, уехала с гастролировавшим в их городе цирковым гимнастом. Цирковая её жизнь через три года оборвалась. Гимнаст бросил её. Она с сыном вернулась к Серому квадрату.

Он принял и её, и чужого ребёнка.

* * *

— Знаем мы вас, — говорил хозяин, наблюдая, как Сима потягивается на половичке, — вы, кошки, любите только самих себя. Из меня, если зазеваюсь, попытаешься сделать прислугу. Но, видишь ли, я какой-то неподдающийся...

Сергей Сергеевич ещё что-то говорил. Потом выключил свет на кухне, в коридоре и стал укладываться спать.

— Однако твоё падение мне на голову — весьма знаковое событие... — Это было последнее, что он произнёс, уже лёжа в кровати.

Глава 2. НЕОБЫЧНЫЕ ЗАБОТЫ

На другой день, осматривая Симу, Сергей Сергеевич обнаружил у неё блох. И вначале пришёл в смятение.

«Эдакое грациозное, изящное создание — и эти мерзкие твари?» — ворчал он.

Но, поразмыслив, успокоился. Хозяин решил выкупать кошку. Он не знал, что Сима терпеть не может такую процедуру. Она не любила быть мокрой.

Сергей Сергеевич почувствовал её настороженность и начал уговаривать:

— Симочка, это вынужденная мера. Избавимся от этих паразитов, тебе же легче станет. Понимаешь? Иначе как? Тараканы, блохи — это ужасно!

Кошка не реагировала на его слова. Но и не убежала от него. Сидела посередине коридора. Смотрела, как он вначале налил воду в ванну, потом принёс с кухни большую серую тряпку и расстелил на дно.

— Видишь ли, у нас, людей, когда забирают новобранцев в армию, пропускают их через санпропускник. В обязательном порядке! Я бы и без блох твоих должен был догадаться помыть тебя. Чуешь, о чём говорю?

Хозяин, продолжая произносить ласковые слова, потихоньку посадил Симу по брюхо в воду, придерживая её за передние лапы.

Она упёрлась задними лапами в тряпку на дне и, кажется, держалась устойчиво. Это понравилось Сергею Сергеевичу.

— Какая молодчина! — радовался он за неё, а может, за себя, за свою неожиданную сноровку.

«Если попадёт вода в уши, её тогда сроду не заманишь в ванну», — забеспокоился он. Сам же потихоньку правой рукой начал пытаться намылывать ей спину.

Он видел, как несколько мелких тварей засуетились у кошки на шее.

Сергей Сергеевич выкупал Симу, сменив в ванне три раза воду. Надеялся, что таким образом избавится от паразитов. Вычёсывал их гребешком и собирал с мокрой шёрстки. Старался, чтобы на теле кошки не осталось мыла.

Сима терпела. Не сопротивлялась. Ей очень хотелось остаться жить около этого худого, высокого, с тихим голосом человека. На то была ещё одна веская и тайная причина. Ей было уже почти десять месяцев от роду. В жизни Симы эта вес-

на была первой. Она бурно её провела и теперь впереди у неё назревали особые события...

Но об этом деликатном обстоятельстве чуть позже...

Наконец-то Сергей Сергеевич, отжав Симе окончательно шёрстку, завернул её в огромное зелёное полотенце. Начал вытирать, присев вместе с ней на диване.

...И вот она сидит на коврике у отопительной батареи в гостиной, вылизывая себя с лап до головы.

Отопление уже отключено. Но хозяин посчитал, что около батареи ей будет уютнее.

* * *

...Кошка, оказывается, очень любила спать.

Большую половину дня она продремала. Он заботливо несколько раз укрывал её своей жилеткой, оставляя снаружи одну голову.

Проснувшись, Сима вновь начала умываться.

— Кажется, эта процедура у тебя самая любимая, — удивлялся хозяин, наблюдая, какие она принимает при этом причудливые позы. Те места, которые нельзя достать языком, она чистила лапками. Увлажняла их слюной поочерёдно и тёрла ими уши, подбородок, голову.

— Как же ты в подвале-то жила? Есть будешь? Чистюля!

Сергей Сергеевич поманил кошку на кухню. Там он мимоходом несколько раз повторил её новое имя: «Сима» и погладил по золотистой мягкой шёрстке. Ей было радостно от его голоса.

Теперь кошка выглядела ласковой и тихой, не похожей на ту, какой была ещё несколько дней назад на улице.

Хозяин щурился, когда говорил или смотрел на неё. Ей это нравилось. В такие моменты она особо доверяла ему. А он и не замечал этой её слабости. Думал, что хорошее настроение Симы зависит только от её собственных причуд.

Люди так часто ошибаются, не давая себе отчёта в этом.

Рыжий окрас обещал быть кошке от природы спокойной, любящей домашний уют, флегматичной.

Но куда деть её бездомное детство? Оно-то и определяло

часто её поведение. Новое имя и новый хозяин могли что-то изменить. Но на это необходимо время.

Хотя Сима и доверилась хозяину, многое для неё было непросто. В первую ночь, окружённая странными непривычными запахами и звуками, она попыталась забраться спать к нему в постель. Но он потихоньку взял её и отнёс к порогу. Она поскучала немного, потом уснула.

На вторую ночь кошка уже не делала подобной попытки. Приняла его права.

Права-то приняла, но хозяином в полном смысле Сергея Сергеевича она не торопилась признавать. Известно же, кошки никогда не могут быть до конца приручены.

* * *

Каждый день теперь приносил новое открытие. И хозяину, и кошке.

Оказалось, что Сима терпеть не может лифт. Сергею Сергеевичу приходилось, выгуливая её, спускаться и подниматься на шестой этаж по лестнице. Это для него было непросто.

В первый день, когда они шли вниз, кошка обнюхала чуть ли не каждую дверь на их пути. Хозяин терпеливо ждал, сообразив, что это, очевидно, для неё важно. Он ей доверял.

На удивление Сергея Сергеевича дверь квартиры, в которой Сима теперь жила, она определяла, когда они возвращались, безошибочно. Он порадовался этому, не мешая ей скрести когтями по старенькому коврику у порога.

Чтобы она не рвала когтями обивку мебели в квартире, он достал с балкона корзину, которую когда-то сплёл, на удивление жены и сына, сам. Сергей Сергеевич был заядлый грибник. Корзина оказалась кстати. Емкостью ведра на полтора, крепенькая, с каркасом из алюминиевой проволоки, она прослужила более трёх десятков лет.

Он любил эту вещь. Корзина была из того времени, когда Сергей Сергеевич был ещё молод. Когда он, жена и сын были, как казалось ему, одно целое.

Ему в те годы так хотелось, чтобы их объединяла общая

идея, заряженность на походы, на путешествия. На жизнь! И верилось, что так и будет..

Но... как-то всё не складывалось... а что и было, прошло...

Осталась холодная созерцательность и этот вяло текущий образ жизни в четырёх стенах.

После смерти Лизы отношения с сыном у Сергея Сергеевича теплее не стали...

Теперь раз в месяц сын бывал у него. Но так, по-дежурному...

Когда Сергей Сергеевич доставал корзину с балкона и ставил её в прихожей, Сима, склонив голову набок, наблюдала за хозяином. Указав пальцем на корзину, он, усмехнувшись, сказал:

— Дери на здоровье, чего уж там...

Говорил, а сам ещё был под впечатлением еле уловимого запаха ивняка, из которого была сплетена корзина. Этот запах он почувствовал, как только стал мыть корзину в ванной тёплой водой. Запах исходил тонкий, едва уловимый. И неповторимый, как всё, что было связано с прежней жизнью.

Он похмыкал, бодрясь, и попробовал переключиться в мыслях на другое.

* * *

Ему было непонятно, почему Сима жуёт вначале листья цветов на подоконнике, а потом у неё начинается рвота и ему приходится за ней убирать. Сердился на неё. Называл любопытной дикаркой. Он не знал, что это не любопытство. Поступала она так для того, чтобы удалить из желудка шерсть, которая туда попадает при вылизывании.

Неизвестно ещё, кто больше делал для себя открытий с момента возникновения этого их союза — он или она?

Сима, например, деловито изучая новое место жительства, проявляла себя порой совсем неожиданно. Ей зачем-то понадобилось погулять по полкам шкафа с фарфоровой и хрустальной посудой. Грациозно вышагивая, она не задела ни одной вещицы. Ей это понравилось.

То вдруг забралась на верх платяного шкафа и долго оттуда наблюдала за хозяином. Ему было неудобно себя чувствовать под прицелом её завораживающих, изучающих сверху

глаз, но он терпел. Когда она ловко и безбоязненно спрыгнула оттуда на подоконник, он невольно оценил это:

— Вот тарзанка!

И погладил её. А она будто этого и ждала. Самозабвенно замурлыкала.

...А как он был удивлён, когда выяснилось, что Сима любит слушать классическую музыку, особенно Моцарта!

— Откуда у тебя такое воспитание? Ты же с улицы, — недоумевал Сергей Сергеевич. — Или вы, кошки, все такие? Не знал...

Записи классической музыки он собирал давно. Теперь был рад, обнаружив в лице Симы родственную душу. Старенький проигрыватель и большой стеллаж с любимыми пластинками он не обделял своим вниманием.

Глава 3. НЕЛЕГКО БЫТЬ ПОСЛУШНОЙ

Сима оказалась заядлым охотником. Она гонялась за каждой мухой и комаром, которые залетали в квартиру. Бывало, что настигала добычу. При этом делала головокружительные прыжки по комнате.

Если добыча от неё ускользала, она заглядывала в лицо хозяину, будто говорила: «Извини, не получается навести полный порядок. У меня же нет крыльев».

Порой ему казалось, что, отлавливая насекомых, она избавляется от посторонних, ревнует его к ним.

«Чудеса, — ворчал он, — не схожу ли я с ума?». Мягко улыбался и не бранил её. А она тёрлась около него. Поднявшись на задних лапах, обнимала ногу хозяина лапами и мелодично мурлыкала.

Когда Сергей Сергеевич садился за стол с газетой, она устраивалась на кресле рядом с ним. В такие минуты молчание продолжалось недолго. Глядя на Симу близорукими грустными глазами, хозяин рассуждал:

— Я вот люблю тигровый окрас. Можно было бы сказать, Симочка, что ты тигрового окраса. Но этот оранжевый оттенок, и совсем нет тёмных полос... Одним словом, ты — рыжая!

Но как тебе идёт эта роскошная белая манишка! И белые чупочки на передних лапках! Ясно, что ты беспородная, но так элегантно сложена!

Он был прав. Перед ним сидело создание с изящным, мускулистым телом, плотной короткой шерстью и стройными длинными ногами. А подушечки лап у неё — цвета молочного шоколада!

Сима и во сне красива. Когда спит, у неё подрагивают глаза, уши, лапы. То ли такой чуткий сон, то ли снится удачная охота... Как узнать?..

А Сима смотрела на него прищуренными, светящимися миндалевидными глазами, мурлыкала доверчиво и ленивый взгляд её, казалось, говорил, что она согласна с любыми его определениями. Они её как бы не касаются. Сама знает, какая она! И ей этого достаточно.

А то вдруг смотрела на него округлившимися глазами в упор. Что было в них?

Будто говорила: «Неизвестно ещё, какой породы ты сам... Поживём — увидим...».

Или сворачивалась в клубок и выглядела расстроенной и озабоченной.

— Что ты грустная такая? Тебе стыдно за твоих блох? За то, что ты — беспородная? — спрашивал он вполне серьёзно, — выбрось из головы! Ты вовсе не похожа на бездомную. Бездомные — жалкие, облезлые, одичавшие... Ещё пару раз искупаю тебя и забудешь про блох, болячки разные...

Не будь бессловесной, она бы согласилась с Сергеем Сергеевичем. Сима благодарна, что он взял её к себе. Невзгоды и бездомная жизнь не испортили её. Она была отзывчива на ласку.

Словно угадывая её состояние, хозяин удивлялся вслух:

— Как же ты такая уцелела? Где твои хитрость, коварство, упрямство? Без них на улице нельзя! Всё ластишься да мурлычешь...

...Он отложил на левый край стола шуршащую, пахнущую свежей краской газету. Снова взглянул на Симу. Кошка смешно подергала носом, ей непривычен был запах краски.

— Я скажу тебе по секрету одну вещь, только никому не

говори, — Сергей Сергеевич слегка улыбнулся, — не смотри, что я такой важный. Это внешне. А так я — беспородный. Родители — сельские. Всю жизнь учился да работал. А что толку? Щенок у жизни. Много не могу, не понимаю многого. Семья и та не сложилась. Тебе одной только и можно пожаловаться...

Он гладил её своими длинными чуткими пальцами, проводил ладонью по шее, спине. Приговаривал:

— Сима, Сима...

Когда брал осторожно в горсть её голову и, слегка сжимая, тут же перемещал пальцы ближе к шее и спине, у неё захватывало дух.

— И ещё, — продолжал хозяин, — только в моём детстве у родителей была кошка. У нас с женой не водились. Ей всё ни до кого было. Сама у себя на первом плане. Я — вечно на работе. Когда? Пятнадцать лет был начальником большущего цеха. Только после шестидесяти перешёл в мастера. Вот и выходит, что попала ты к невежественному человеку. Рискуете, знаете ли, мадам...

* * *

Однажды, ближе к вечеру, в квартире появился уверенный, весь в чёрном, широкоплечий и розовощёкий человек. Сергей Сергеевич назвал его сыном.

Когда они разговаривали, сын несколько раз беспокойно выглянул в окно.

— Да никто не тронет твой «воронок», — усмехнулся хозяин.

Сима запрыгнула на подоконник и посмотрела во двор. Там стояла большая чёрная машина с затенёнными окнами. Утром её не было.

Этот человек с большими блестящими часами на руке сразу не понравился Симе. Он брал бесцеремонно её в кольцо больших рук и пытался заставить прыгнуть через этот барьер. Громко выкрикивал тонким лающим голосом:

— Оп, оп! Оп-она!

На третий раз она не выдержала. Нетерпеливо напряглась и начала крутить ушами. Затем быстро бросилась через барьер

ер с выпущенными когтями, оцарапав ему кисть левой руки. Тут же выступила кровь.

Сима удалилась на кухню. Там она прохаживалась одна. Хвост её застыл в нижнем положении, что явно выдавало разочарование.

— А, чёрт! Она не бешеная? — суетился сын, рассматривая царапину.

— Ну, что ты говоришь? Сейчас я дам тебе йод, — успокаивал Сергей Сергеевич.

Самоуверенный «дрессировщик», обрабатывая ранку, возмущался:

— Ну, и к чему тебе эта дикарка? Её же многому надо обучать, она с улицы! Придётся её выгуливать. Запахи пойдут. Домашней кошке нужна особая пища. Когда и где тебе её брать?

— Ты знаешь, я поражён, — говорил Сергей Сергеевич. — Она пользуется унитазом. Фантастика! Я раньше от приятелей слышал о таком, но не ожидал... Видимо, её обучали в детстве.

Сын на слова отца не отвечал. Ему важнее, что он сам говорил. И, конечно, во многом был прав, утверждая, что «кошка — это не собака», от неё нельзя ожидать «собачьего» поведения. В отличие от собак, кошек бесполезно заставлять полностью повиноваться. Они иначе устроены...

И так далее, так далее...

— Шестой этаж! Не закроешь балкон — она вывалится, — убеждал Эдуард, — у моего друга так было. Забылась и бросилась за воробьём. Упала на асфальт. Лечил полгода. Сетку теперь на балконе соорудили. Зачем тебе эти хлопоты? — Он говорил громким голосом, будто извещал о надвигающейся катастрофе, — и потом, с твоим-то сердцем гулять по этажам?..

— Мы скоро с ней уедем в деревню. Там всё проще, — как бы оправдывался Сергей Сергеевич.

Сима не выходила из кухни, ждала, когда шумный гость исчезнет. А тот напоследок, нарочно топоча тяжело ногами, объявился в проёме кухонной двери, не на шутку напугав Симу.

— Попалась! — словно пролаял он, — зачем на базаре кусалась?

Не видя возможности к отступлению, Сима выгнула дугой спину и прижала уши к голове. Послышалось её негодующее шипение.

— Смотри, она приготавилась нападать!

Гость притворно закрыл лицо руками и попятился назад.

— Вот это дикобраз! — Он неожиданно громко свистнул.

— Эдуард! Ну, когда ты повзрослеешь? Нельзя же так, — подал голос Сергей Сергеевич. — Так кого хочешь можно разозлить. У тебя закоренелая нелюбовь к животным. Это ненормально.

Когда сын Сергея Сергеевича ушёл, Сима преобразилась. Она вернулась в комнату к хозяину. Движения её стали мягкими, хвост поднят вверх, что означало явную радость. Вполне возможно, обрадовалась предстоящему отъезду в деревню. Но как она могла это почувствовать?..

...На следующее утро Сергей Сергеевич помогал Симе умываться. Поглаживая её, пробежал своими чуткими пальцами по её меху. Кошка сидела у него на коленях сияющая. Расчесывал он её пальцами, потом легкими движениями деревянного гребешка.

Сима выгибала спину, показывая, что ей приятно, а он потихоньку старался достать гребешком до самой кожи. Проверял пальцами: нет ли после очередной прогулки во дворе комочков грязи, соринок.

Оба так быстро привыкли к этой процедуре, что проделывали теперь её ежедневно.

Глава 4. ЖИЗНЬ В ДЕРЕВНЕ

В деревню они приехали в середине июня. Сергею Сергеевичу хотелось раньше вырваться, но не получилось.

Он любил это время года. Нравилось первое цветение шиповника, калины. Июнь — румянец года. Как не любить! В это время все летние птицы в сборе. Слушай и радуйся!

Луг и опушка леса в цветах. Белое, красное, васильковое! Родное раздолье дышит в полную грудь!

Сергей Сергеевич не переставал, приезжая, тихо радоваться своей, как он говорил, отчине.

Радовалась теперь и Сима.

Мир, в котором она оказалась, удивлял её на каждом шагу. Такого в городе она не видала. Здесь люди жили в небольших деревянных домах. На крышах домов были сооружения, похожие на те, в одну из которых она свалилась на кухню к Сергею Сергеевичу. Из них часто по утрам шёл дым.

Повсюду пахло съедобным, особенно молоком. Мычали коровы.

Людей было меньше. Не как в городе. И мало вокруг машин, но много кошек и собак. Коровы и лошади поразили её. Она впервые видела таких добрых и больших существ. Их очень любили люди. Это было заметно по-всему.

Ей любопытно было стоять вечером у ворот, в то время, когда стадо коров возвращалось с выпаса. Коровы сильно пылили, но она не уходила до тех пор, пока не появлялся за стадом пастух. Этот человек был особенный: загорелый, усатый и в шляпе. За ним всегда с тихим шелестом тянулся длинный кнут, кнутовище висело на плече. Когда он пошевеливал кнутовищем, кнут извивался, как уж. Это Симу завораживало. Иногда пастух взмахивал кнутом и получался резкий неожиданный звук. Как выстрел! Такого она раньше не знала. При стаде всегда была большая лохматая дворняга. Пастух звал её просто: Собака!

Наверное, она была не очень злая, но, когда приближалась, Сима предусмотрительно уходила через штакетник в палисадник. И вела свои наблюдения оттуда.

Иногда лохматый пёс подбегал к изгороди. И кошке делалось страшно. Хотелось быть невидимой. Она прижималась плотно к земле, уши загибала назад, притягивая их к голове. Вот-вот готова была задать стрекача, всегда зная, что в одном месте, если даже калитка во дворе закрыта, есть спасительное отверстие. Через него беспрепятственно можно удрать.

...Каждый раз одну и ту же пёструю корову соседка впускала к себе во двор. Чуть позже садилась около неё, и упругие струйки молока начинали бить в большое светлое ведро.

Симе было интересно наблюдать.

— Ладно, ладно, — заметив кошку, говорила нараспев соседка, — достанется и тебе, раз любишь молочко-то. Вот придёт твой хозяин, как обещалась, налью литру.

Кажется, Симу не устраивала роль попрошайки, которую отводила ей соседка. Она отходила от изгороди. Имела характер, а с характером — и чувство собственного достоинства.

Жуткая индивидуалистка, Сима гуляла, как водится у кошек, всегда сама по себе, даже теперь, в новой обстановке. Дом хозяина, его сад она с первого дня посчитала личной территорией и потихоньку её обживала. Периодически обходила «свои» владения. И отмечала царапинами или мочой.

Дом с потемневшими наличниками, в котором она жила, Сима обследовала в первые дни после приезда. Обнюхала всё, что находилось на «её» территории: сарай, баньку, навес в дальнем углу двора.

В первый же день Сергей Сергеевич определил ей место. Небольшую тёмную овчинку он положил на закрытой верандочке, которую называл сенями.

— И света тут много, и пол неплохой. Холодно не будет. На улице-то лето! Не понравится, переберешься в дом, не возражаю.

Симе понравилось. В стене веранды, внизу, у самого пола, было небольшое отверстие. Для неё в самый раз, а собаке не пролезть! Это она сразу отметила. Можно в любое время суток выходить на улицу и возвращаться обратно. Это же здорово!

...Сергей Сергеевич — человек вдумчивый. Он принёс от соседей прошлогоднего сена, поместил его в старую наволочку. Помял в руках, пробуя: не туго ли, не жёстко? Решил, что в самый раз, и положил подушечку на овчинку со стороны стены.

Она сидела и смотрела на его действия. Что-то соображала своим кошачьим умом.

Резкая смена среды обитания не отразилась отрицательно на нервной системе кошки. Сима была молода и любопытна. А вокруг столько интересного.

Неожиданно она обнаружила на «своём» пространстве в глухом уголке в конце озера щёголя удода. Расписные перья и

задорный хохолок незнакомой птицы так её удивили, что она остановилась, как вкопанная. Забыла об охоте. Уши её торчали вертикально, кончик хвоста произвольно шевелился. Опомнилась только, когда красавчик, не спеша, скрылся.

Возвращаясь в дом, она обошла стороной шиповный куст, около которого песчаные осы устроили своё гнездо. Сима накануне наблюдала, как они ловят мух. Она видела, как в свою норку осы затащили большого паука. Потом наблюдала за быстрыми щурками, которые гонялись за осами. Поймав, они уносили их в свои норки в обрывистом дальнем берегу озера.

Каждый тут промышлял по-своему. Там, где жила раньше, такого она не видела.

...Соседний дом справа от них был дряхлый. Окна заколочены крест-на-крест досками. Там никто не жил. Кроме, конечно, мышей в подполье. Сима успела и здесь похозяйничать.

А слева жили соседка с коровой, собака Цыган и самое главное: хозяин, похожий, как определила Сима вначале, на Эдуарда. Он в первый же день несколько раз назвал её Серафимой. Это было для неё непривычно, она нервничала. Сергей Сергеевич её так не называл. А когда сосед потрепал её за шею, а потом игриво слегка сжал там пальцы, послышалось рычание.

— Послушай, ты кошку или собаку привёз? Гордячка! — Голос у него был такой же тонкий, как у Эдуарда, неприятный, — рычит, как мой Цыган!

Он весь был сейчас похож на Эдуарда. Только не было у него на руке больших блестящих часов. И машина его была светлая и маленькая.

Сима вывернулась из цепких рук и выскочила во двор. Хвост у неё подрагивал. Сосед её рассердил.

...Утром Сергей Сергеевич вышел в сени. Сима просьпалась. Вальяжно потянулась, попеременно оттягивая то одну, то другую ногу. Зевнула, искоса посмотрев на хозяина. Лицо Сергея Сергеевича купалось в улыбке. Грациозно развернувшись, Сима начала умываться.

— Ну, видишь, как хорошо! Новый день — новые радости! Что нам ещё надо? — рассуждал вслух Сергей Сергеевич. — А на соседа не обижайся. Он грубоват, но настоящий. Не подведёт.

У нас с тобой на доньшке где-то завелась интеллигентность. А он — попроще.

Сергей Сергеевич старался говорить мягко и ласково. Понял уже, что Сима ничего не делает просто так. Всему есть причина. Только вот не всегда она ему ясна...

Кошка умывалась и искоса поглядывала на него.

— Уйду, уйду сейчас. Не буду мешать! — И добавил, буд-то себе: — Помнится, мы договаривались, что ты должна быть доброй. Сима — значит добрая! Не забывай!

День начинался с приятного голоса хозяина. Симе от этого было уютно и спокойно.

* * *

Многие люди думают, что кошки и собаки не могут жить дружно. Они ошибаются.

Сима была совсем маленькой, когда оказалась в подвале, где ей пришлось жить. Там она и познакомилась с таким же рыжим, как она, щенком. У него не было имени. Они росли вместе. Вместе добывали пищу. Охотились на мышей. Он, правда, больше мешал. Ловила она, иногда отдавала добычу ему. Щенок был немного шалопай, часто упускал мышь. Сима в таких случаях сердилась на него, но недолго. Нет, с собаками дружить можно! Смотря какая собака, конечно.

Поэтому Сима не испугалась, когда Сергей Сергеевич позвал её с собой к соседям, у которых жил Цыган. Цыган так Цыган!

* * *

Они вошли во двор соседей. Под навесом машины не было. Она стояла почему-то в сарайчике.

Сима прошла под навес, буйно укрытый и с боков, и сверху диким виноградом. Её влекло к себе темное пятно на бетонированном полу. Пока Сергей Сергеевич, остановившись на дорожке, разглядывал что-то на клумбе, она хотела было лизнуть приятно пахнущую жидкость.

Появившийся около сеней хозяин опередил:

— Не смей, Серафима! Это антифриз!

Его голос насторожил Симу. Она подняла голову. А сосед продолжал шуметь:

— Моя дуреха нализалась и померла. Это же химия! Сами делаем — сами мрём.

...Нельзя заставить кошку полюбить собаку. Это Сергей Сергеевич понимал. Но ему так хотелось, чтобы Цыган и Сима жили дружно.

Кошки и собаки говорят на разных языках. И это знал Сергей Сергеевич.

...Цыган был на цепи. Увидев это, Сима несколько успокоилась. И потом, посередине двора росло большое дерево, есть куда сигануть, если что...

Цыган с любопытством посматривал на Симу. Пес не чувствовал к ней вражды. Он мог возбудиться, если бы Сима сама начала нервничать. Собаки часто становятся агрессивными, когда кошки удирают от них. Но Сима не суежилась. Спокойно шла за хозяином.

Вскоре все вчетвером: Сергей Сергеевич, сосед Дмитрий, Цыган и Сима стояли около сеней. Цыган вилял хвостом, он готов был дружить. А у Симы были вертикально поставлены уши. Ей хотя и было страшновато, но тоже любопытно... Сергей Сергеевич заметил это и, довольный, улыбнулся.

Два хозяина немного о чём-то поговорили меж собой, потом, позвав Симу, пошли в дом.

Цыган покорно остался у сеней сторожить...

Глава 5. НОВОСТЬ — ТАК НОВОСТЬ

Наступило время, когда Сергей Сергеевич уже не мог представить своё житьё-бытьё без Симы, без постоянного обмена с ней взглядами. Ему нравилось смотреть, как она, блаженно свернувшись в клубочек, стараясь всегда быть около него, дремлет на стареньком кресле. Он привык не сердиться, когда кошка, играя, пряталась от него куда-нибудь под кровать и не появлялась оттуда, если даже, налив молока в металлическую миску, он звал её.

Иногда она внезапно прыгала ему на плечо, когда он проходил мимо старенькой белёной печки. Так она развлекалась. Он прощал ей эту шалость. Как прощают шалости своим внукам.

Внука у него не было. Сыну с ним было неинтересно, это он знал. Много ли оставалось у стареющего человека привязанностей...

Оказавшись в свои шестьдесят пять лет на пенсии, он вначале маялся без серьёзного дела. Потом за три с половиной года привык и к безденежью, и к одинокой жизни, и к болезням.

Не жаловался...

Все, кто знал его в прежней, допенсионной жизни, отмечали в нем всегда его самодостаточность и способность полагаться на самого себя.

Какими усилиями ему удавалось, возглавляя большие коллективы людей, находясь под постоянным прессом вышестоящего начальства, оставаться независимым, знал только он.

Так что независимость Симиной природы он уважал. Не собирался ни переучивать её, ни ругать. Два сапога — пара. С некоторой условностью, но сказать о них можно было и так.

Он любил заниматься с ней. Сима легко отзывалась на игру. А Сергей Сергеевич заметил, что взаимопонимание между ними быстрее возникает во время игры. Уже не удивлялся тому, что кошка — существо интеллигентное и понятливое. Это стало для него очевидным.

«Они не говорят лишь оттого, — размышлял он вслух, — что, если бы начали это делать, им бы пришлось сказать, какими мы, люди, бываем глупыми. А им этого не хочется делать, к чему портить отношения?»

У Сергея Сергеевича в его семейной жизни, задолго до того, как не стало жены, а Эдуард захотел жить отдельно, не было того, что называют семейным очагом. Ему теперь приходила в голову мысль, что, если бы у них была кошка, не случилось развала семьи: не ушла бы жена, не наступило бы такого отчуждения с сыном. Ведь не одна же его работа всё это разрушила? Чего-то не хватало такого в его семье, о чём сразу не скажешь. Какого-то цементирующего вещества, может быть. Того, что придаёт и крепость, и прелесть отношениям. «Не хватало душевности, — определил он запоздало. — Слишком я был деловит во всем и однозначен, ценил только масштабное».

Рассуждая так, он то соглашался с собой, то невольно ка-

чал головой: «Ты просто стареешь, вот и все дела. Цепляешься за жизнь...».

А у Симы — свои заботы.

Сергей Сергеевич, как и большинство людей, заблуждался по поводу того, что кошки очень любят молоко. Ничего подобного, Сима молоко не любила. А хозяин старался. Через каждые два дня обязательно ходил к соседям за молоком.

У Симы часто после того, как поест молока, случалось расстройство желудка, особенно, если ела тут же и мясо. Она отыскивала зелёную травку и щипала её, чтобы вызвать рвоту. Лечилась так.

Хозяин не мог понять, в чём дело.

Что-то её подталкивало, чтобы не отказываться от молока, но ела она его без охоты.

Помогал Симе справляться с молоком ёжик. Он проник однажды ночью со двора через то самое отверстие, которое служило Симе. Как потом оказалось, ёжик жил в подполье сени. В том самом дальнем углу, куда Сима ещё не успела добраться и обследовать его.

Ёжик вел себя на удивление уверенно. Он считал, очевидно, что сени или верандочка эта — его территория.

Пока она отвоёвывала, контролировала, метила свою территорию то мочой, то трением головы или хвоста, то царапанием когтями, чтобы соседские кошки знали, где чьё владение, этот деловитый колючий комок с остренькой мордочкой, нарушая все кошачьи правила, разгуливал ночью, где хотел.

Сначала Сима негодовала. Но ёжик оказался добродушным и они быстро подружились. И даже было не обидно, когда он начал есть её молоко. Ёжик бегал ночью по полу, сильно топая, фыркал. Она просыпалась, но не сердчалась. Ей даже иногда становилось скучно, когда он не приходил. А однажды утром хозяин вышел и ёжик не испугался, не убежал.

— Ну, вот, давно мы не виделись! — обрадовался Сергей Сергеевич. — Где пропадал-то, господин Шварценеггер?

Ёжик трогал своим чутким носом тапочки хозяина и издавал не привычные для Симы звуки. Оказывается, хозяин и ёжик были друзьями.

Днем, играя с Симой, Сергей Сергеевич обнаружил, что она беременна.

— Ничего себе, время действительно имеет свойство сжиматься. Так стремительно вершатся события. Не успеваю! Вприпрыжку бегу... — бормотал он, по-детски улыбаясь.

— Вот он, результат кошачьих концертов, которые вы в городе устраивали на крыше, — говорил он, — более месяца уже прошло, как ты свалилась в трубу. Верно... был конец мая, всё сходится...

Так открылось то, что сильно волновало Симу. Тайное стало явным.

— А я смотрю, ты стала какой-то другой, уж не заболела ли, думал, — он нежно нажал пальцами Симе на брюшную полость ещё раз. — Ну, да, легко прощупывается. У тебя соски стали розового цвета, а я в голову не взял... И есть ты стала побольше, я думал, от свежего деревенского воздуха.

Хозяин обрадовался новости. Сима это видела. И успокоилась. А Сергей Сергеевич всё удивлялся:

— Вот почему ты прибилась ко мне в городе, а потом в деревню поехала — тебе рожать надо! Помощник необходим. Обстоятельная какая! Умница! Ценю... ценю... Этот наш союз не по расчёту, а по великому инстинкту...

И он многозначительно поднял на уровень лица руку с прямым указательным пальцем:

— Великому инстинкту!..

Глава 6. СТАРЫЙ ДА МАЛЫЙ

Несмотря на теперешнее Симино положение, она была активна. Так много вокруг того, что она видела впервые.

...Совсем рядом с домом, за огородом, раскинулось круглое с песчаными берегами озеро. По берегам стоят высокие дубы. В дубраве всегда особый воздух. Свежий и острый.

Шуршание дубовой листвы под ногами и дробные постукивания дятла в кронах старых деревьев завораживают Симу.

Она считает эту территорию своей и особо ревностно следит за теми, кто нарушает определённые ею границы.

* * *

На ежей, постоянно попадающихся тут, она не сердилась. Они такие забавные и деловитые! Впервые она увидела здесь насекомых с двумя парами сильных перепончатых крыльев, при помощи которых они летали. Да так быстро! Она видела, как они ловко ловили на лету добычу, хватая её мощными челюстями. Ей было интересно и завидно. У стрекоз большущие глаза, с помощью которых они замечают жертву со значительного расстояния. Это Сима оценила.

Не могла она равнодушно смотреть на бабочек. Её завораживали и дневные, и ночные бабочки. Эти лёгкие создания почти одинаковые, только у ночных, в отличие от дневных, тела более толстые. Она гонялась за ними. Но безуспешно.

Но более всего ей нравилась рыбалка на озере. Едва Сергей Сергеевич вечером начинал собираться удить рыбу, она с широко открытыми глазами и вертикально поставленными ушами начинала ходить за ним. Хвост её в это время был непременно поднят вверх. Радовалась тому, что предстояло.

Сергей Сергеевич и сам любил рыбалку. Он каждый раз садился на одно и то же место, там, где камыш примят и в песчаный берег воткнута ивовая рогулька, обросшая зелёными веточками. Карасики, сорожки, краснопёрки здесь прикормлены заранее, поэтому рыбалка почти всегда удачная.

Но ей вскоре оказалось мало быть просто наблюдающей. Там, где не было камыша, на небольшой песчаной косе, она стала охотиться на рыбок сама. И весьма успешно. Её терпеливое ожидание заканчивалось молниеносным броском. Сима ловко прижимала на мелководе зазевавшегося карасика или красноперку.

Урча, притаскивала добычу к хозяину и он, растроганный тем, что она отдаёт ему пойманную рыбу, гладил её по спине. Показывал свой улов в ведёрке с водой, приговаривая:

— Бери, какая на тебя глядит, кормись сама...

Она не торопилась выбирать, знала, что хозяин о ней никогда не забудет.

Часто можно было видеть весёлую картину: объединённые общей удачей на рыбалке, они дружно вышагивали от озера к дому. Оба довольные! В такие моменты над головой Сергея Сергеевича торчали бамбуковые удочки, над головой Симы — её весёлый рыжий хвост.

— Вы становитесь похожи друг на друга, — смеялся сосед Дмитрий, попавшийся им в дубняке со срезанным пучком чилиги для веника! — Старый да малый.

— Такие вот мы! — за обоих отвечал Сергей Сергеевич. И его голубые, совсем не старые глаза за толстыми линзами очков светились ясно, под стать июньскому небу.

* * *

Чуть правее колодца, над изгородью на длинной жердине возвышалась потемневшая старая скворечница с сучковатой рогулькой над крышей. Нельзя было Симе не заметить, как хлопочут там скворцы со своим семейством. Но вскоре наблюдать за скворцами ей стало скучно. Они летали, как заводные, в дальний конец огорода, добывали червей. Но их трудно подкараулить, они порывистые.

Воробьи — другое дело. Они сидят обычно рядышком на земле, на ветках, на ограде.

...Всё-таки в этот день Сима настигла добычу.

Стоя у окна, Сергей Сергеевич хорошо видел, как это произошло. Утром он наблюдал, как она потешно охотилась за кузнечиками, а потом...

Он увидел Симу около амбара. Она скользнула вдоль стены, прижимаясь животом к земле. Мелкими перебежками кошка добралась до ближайшего от цели укрытия — старой кошёлки. Цели её он не видел, но догадывался, что она, скорее всего, у корневища разросшегося винограда.

За своим укрытием Сима готовилась к атаке. Перебирая задними лапами и шевеля нетерпеливо кончиком хвоста, она ждала момента. Затем, прижав тело к земле, заскользила ближе к винограду. Когда расстояние сократилось до одного прыжка, поджав передние лапы, она прыгнула. В её лапах оказалась мышь.

То ли так случайно получилось или таков кошкин приём, но мышшь оказалась вновь на свободе. Серой тенью бедняжка метнулась в сторону, Сима в броске успела, играючи, легко схватить её. Её почти тигровая окраска, уверенность движений — всё напоминало грозного хищника, на какой-то момент оказавшегося миниатюрной кошечкой.

Сергей Сергеевич был изумлён. Оказывается, у Симы двойной образ жизни. В доме она внимательная, ласковая и отзывчивая, а на воле — опытный независимый хищник. Осторожный и уверенный. И ведёт себя, будто у неё нет никакого хозяина! Он, кажется, её ревновал. Но к чему? И к кому?

Наблюдение это его озадачило. Но потом, порассуждав, он пришёл к выводу, что всё в общем-то закономерно. И преувеличивать личную роль его — человека в преобразовании пусть хотя и маленького комочка, частицы общей природы, Симы, не стоит...

Он сам — частица этой природы. И сам не в силах вовремя меняться.

Чуть позже с удовлетворением подумал: «Вот так, если оставить её одну, когда необходимо будет куда-то уехать — не пропадёт! Молодчина!».

Глава 7. РАЗГОВОРЫ О ЖИЗНИ

Разговоры с Симой стали для Сергея Сергеевича ежедневной потребностью.

— Что так осуждающе смотришь на меня? Много сижу за столом? Не могу без чтения.

Он начинал, как обычно, поглаживать Симу по спине. Она мурлыкала под его чуткими пальцами. В такие минуты между ними возникала особая связь, для которой слов не подобрать.

— Понимаешь, работал на целлюлозно-бумажных комбинатах, особо не задумываясь, много против природы нагрешил... Не я один, заодно со всеми, конечно.

Сима сидела на левом краю письменного стола и внимательно слушала. Она испытывала состояние полного душев-

ного комфорта, о чём свидетельствовал её послушный хвост, обёрнутый вокруг тела.

— Знаешь ли ты, моя дорогая, отчего у нас, у людей, беды? — хозяин покрутил в руках очки и в упор посмотрел на Симу.

Глаза её тут же округлились. Она внимательно слушала.

Он не выдержал её взгляда. Ему показалось, что вся живая и неживая природа смотрит на него золотисто-зеленоватыми Симиными глазами и ждёт.

— От того, что нет у нас порядка в общем доме. Мы вышли из чьего-то повиновения и, как малые дети, многое натворили своим незрелым умом. Это я теперь начинаю понимать.

Сима грациозно зевнула.

Он положил ладонь на газету.

— Наш чрезвычайный министр Сергей Шойгу — молодец. В своём докладе на год заранее сказал, что с нами будет. Какие аварии ждут. Хотя бы так нас образумить. Всё то, что может случиться, дело рук наших.

Он потянул из-под Симы газету, кошка передвинулась. Потом и вовсе прыгнула на пол, нехотя пошла к креслу. Ей нравилось сидеть на газетах. Эта её привязанность была непонятна Сергею Сергеевичу. Он всё полагал, что когда-нибудь дознается, в чём причина.

Сима будто почувствовала важность того, что говорил хозяин. Она не ушла, а улеглась на кресло и стала смотреть на Сергея Сергеевича. Не зевала.

Он продолжал:

— Мы всё больше и больше отрываемся от природы. Но мы же часть её?!

Сергей Сергеевич в последнее время много думал о том, что сейчас говорил, поэтому повторялся. Он и без Симы разговаривал вслух. Сам с собой. Это помогало думать.

Теперь, монотонно говоря с Симой, споткнулся о мысль: «Как Рубцов пронзительно чувствовал, откуда мы все вышли!».

Он дотянулся рукой до книжной полки. Достал небольшой красный томик стихов, который приобрёл перед отъездом из города. Быстро нашёл запомнившиеся строки. Негромко задумчиво прочитал:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую кровную связь.*

— Поэт не просто так сказал. Он, как и Есенин, — Божья дудка!

Кошка молча наблюдала за хозяином. Сергей Сергеевич уже привык к её изучающему взгляду.

— Что так смотришь? — спросил он. — Странно тебе, почему я раньше об этом не думал? Не знаю. Дела вершил! Как белка в колесе... стихи читал только в юности... Да вот теперь — на пенсии.

Он поднял вверх над головой очки. Взгляд Симы последовал за рукой с очками. Сергей Сергеевич встал. Кошка спрыгнула с кресла и потянулась.

— Пора спать, — сказал он и пошёл открывать ей дверь.

Видно было, что Сергей Сергеевич хотел сказать что-то другое, но передумал.

Сима последовала за ним.

Не в первый раз ему показалось, будто общается он не с животным, а с человеком.

Глава 8. ОБИДА

Не всегда между Симой и Сергей Сергеевичем устанавливалось единодушие.

Утром, когда он готовил себе завтрак, она появилась на пороге с мёртвой синицей. Такого он не ожидал.

— Ах, ты, проказница. Душегубка! Что же ты делаешь? Ведь я тебя достаточно кормлю.

Он не знал, что ещё говорить.

Сима положила синицу на пол и выжидательно смотрела на хозяина. Ей непонятно было, почему он недоволен.

— Чтобы это было в последний раз, понятно? Ты же мышинный лев! Вот и громи серых!

Сергей Сергеевич ладошкой слегка пошлёпал кошку по

мордочке, так, для порядка. И строго посмотрел ей в глаза. Напрасно он так поступал. Симе не понять его. У неё отсутствует, как у всех кошек, чувство вины.

И потом: охотничий инстинкт веками переходит из поколения в поколение. Как его побороть в одночасье? Она так любила подолгу подкрадываться, наблюдать за добычей.

Была она совсем ещё молодая, ей нравилось играть. И охота для неё — часть игры.

Кошки запрограммированы на охоту. Симе было непонятно, почему её хозяин, Сергей Сергеевич, сам не ловит синиц? Она принесла пойманную птицу, чтобы он оценил её подарок. Так она заботится о благополучии и достатке их общего дома.

— Если не прекратишь ловить синиц, — говорил между тем Сергей Сергеевич, — то повешу тебе на шею колокольчик. Не сможешь тогда охотиться даже на мышей, поняла?

Ничего Сима не поняла. Потопталась на месте, села и, как он отметил, высокомерно отвернулась.

— А вот этого делать не надо бы. Ты же не глупая, я знаю, — говорил с лёгкой насмешкой хозяин. — Вразнос пошла?

Голос Сергея Сергеевича стал ещё строже:

— Больно ранимая. Так нельзя!

Сима, ощущая уже угрозу, насторожилась. Её пугал пристальный взгляд Сергея Сергеевича. Возникло желание укрыться от этого взгляда, не видеть его. Она потому и отвернулась, что не могла смотреть в недружелюбное сейчас лицо. А он воспринял это как проявление её высокомерия. Кошка вышла в сени. Мёртвая синица осталась лежать у порога.

Сима легла на свою подстилку. Широко раскрытыми глазами смотрела прямо перед собой. Ударив пару раз лапой с выпущенными когтями о пол, наконец успокоилась. Закрыла глаза.

«Что же мне с этой гордячкой делать? — раздумывал тем временем Сергей Сергеевич, доедая яичницу. — Охотилась бы только на мышей, как положено, и все дела...»

Дверь в сени оставалась открытой и он говорил, зная, что она его слышит:

— Вы, сударыня, существо независимое, конечно... Непо-

нятно, как это вы ещё согласились жить в одном доме с таким занудой, как я? Случайность? Или всё-таки необходимость...

Он ещё что-то говорил. Но она уже не слушала его. Не понимала его иронии. Она не умела возражать, устраивать сцены. Сима — кошка. Если ей не по нутру что-то, то она просто отворачивалась, как сейчас. Лгать не в её характере. Понимала, что такое независимость. Оберегала её в себе, уважала и в других.

...Ворчать-то Сергей Сергеевич ворчал, но помнил: с того момента, как появилась Сима в его жизни, ему стало легче жить. Его сердце, не раз основательно дававшее о себе знать, теперь болело реже.

...Если бы он знал, как непросто сейчас Симе.

Для кошки, так же как, и для человека, очень важен период младенчества и детства.

Появившись на свет, кошка, обычно находясь одновременно и со своими сородичами, и с людьми, не только крепко привязывается к ним. Она считает, что относится и к тем, и к другим одновременно... Человека она воспринимает своим родителем, наравне с кошачьими сородичами. И получается, что у кошки как бы двойное сознание. Она воплощение противоречий. У неё самые тесные отношения с человеком. И в то же время ей необходимо безоговорочное право на полную независимость в своих поступках.

...Оказавшись совсем маленькой на улице и начав жить самостоятельно по подвалам, Сима многого лишилась из того, что могло быть в её характере изначально, что устанавливается между людьми и котёнком.

Но она была теперь взрослая. И постигала многое заново, вдогонку. Словно училась в вечерней школе, как это бывает у людей.

Глава 9. ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ ГЛАЗКИ

Симе нравился этот человек. Когда он приходил к Сергею Сергеевичу, в доме становилось веселее. Гость почти всегда говорил, улыбаясь.

Ожидая от него ласки, Сима опрокидывалась на спину, откидывала передние лапы, оставляя их повисшими в воздухе. Это — приглашение погладить ей брюшко. Очаровательные глазки, так чаще всего звали гостя, безоговорочно отзывался на это.

Между ними быстро возникало радостное взаимопонимание. В эти моменты глаза её обычно полуприкрыты. Такими они становились и у гостя.

В первый же свой приход он галантно рассыпался перед Симой в комплиментах и спел для неё песенку. Подобного в Симиной жизни ещё не было. Она впервые слышала такое:

Очаровательные глазки,

Очаровали вы меня...

Голос у него, когда пел, становился совсем молодым. Негромкий, выразительный, обволакивающий...

Теперь, при появлении в их доме этого высокого, как и Сергей Сергеевич, улыбчивого гостя, она всегда ждала, когда он снимет со стены старенькую гитару и запоёт. Гитара, когда не было гостя, висела на стене около голландки и скучала. Очаровательные глазки, в отличие от хозяина, курил. Особенно неприятно пахли его пальцы, но Сима прощала ему это.

Сергей Сергеевич и Фадеич — одноклассники. Их родители жили раньше в этой деревушке по соседству. Это иногда так много для людей значит. К тому же, Фадеич долгое время преподавал, учил ребят истории в школе. Есть о чём этим двум хорошим людям поговорить. Сима им не мешала. Притом ещё давным-давно, в молодости, Фадеич был ветеринаром. Он любил животных.

Сима, конечно, этих подробностей не знала. Зачем они ей? Если он — друг хозяина, значит — хороший человек, вот и всё! Она всегда перед его приходом теперь умывалась и приглаживала усы.

Но вот беда: старинные приятели любили поговорить о чём-то серьёзном, и тогда Симе становилось скучновато:

— Ты, Серая шейка, идеалист, — держа чашку чая в ладони, говорил Фадеич, — ничего уже не вернёшь. Никакой слитности с природой у человека теперь быть не может. Жили мы в младенчестве язычниками, теперь выросли.

— Но не поумнели, — вставил тихо, но внятно Сергей Сергеевич.

— Это, скорее всего, верно. И никакой толерантности, как учёные говорят, ждать от человека не приходится, — произнёс гость.

Его косматые и чёрные брови шевелились. Сима стала за ними наблюдать. Ей было забавно. Брови полезли вверх, на лоб. И их хозяин почти выкрикнул:

— Человека надо бояться! И более того: надо ниспровергнуть его с пьедестала, на который он забрался, возомнив себя царём природы. Он — свинья! И всего-то!

Сима даже вздрогнула при последних словах. Так они были сказаны жёстко и громко.

— Пожирает вокруг себя всё!

Сергей Сергеевич молчал. Сима смотрела на него, будто спрашивала: что же ты не отвечаешь, не можешь?..

— Приглашают в школу вновь начать преподавать, — говорил тем временем Фадеич. — Но я должен детям нести разумное и доброе. А я этого уже не могу. В истории, в человеческом обществе наворочали невообразимое. И в природе — не меньше! Мне хочется кричать! — брови у Фадеича легли туда, где им положено быть.

Он замолчал, но ненадолго. Сказал, как пожаловался:

— А разумно ли вообще кричать детям? И такое? Ведь им жить надо! Как и мне! После моего инсульта года не прошло...

Вопросы его распирали. Похоже, в его окружении мало кто мог слушать долго и он приходил выговориться к своему приятелю Мамину.

Не дождавшись ответа, вновь спросил:

— А если детишки не будут знать с ранних лет об этом, какими они вырастут?

Сима вышла в сени.

— Поостынь, — спокойно сказал Сергей Сергеевич, провожая взглядом Симу. — В тебе большое нетерпение. Не зря мы тебя в школе Утюгом звали.

— Меня за другое так звали, — по-мальчишески запальчиво проговорил Фадеич.

— Ну... Николай, не сердись, — улыбнулся Мамин. И продолжил: — Всё человечество копило то, о чём ты говоришь. Это его беда. А ты хочешь в одночасье, один всё разом решить, всех образумить?

Вошла Сима и села на пороге.

Гитара по-прежнему висела на стене. Сима зевнула. Она спокойно смотрела, как гость, задев на столе локтем чашку, опрокинул её и намочил рукав фланелевой рубашки.

Очевидно, гость вспомнил свою первую профессию. Он спросил неожиданно:

— Ведомо ли тебе, умная твоя голова, как крепко приручить кошку к дому?

— Я и так о ней забочусь.

— А она? — переспросил гость.

— Она-то целыми днями около меня, в глаза заглядывает. Что на уме? А то вдруг надолго пропадает. Где носит её? Чего не хватает? Сплошная тайна. Как там у Цветаевой: «В кошачьем сердце рабства нет».

— А ты попробуй одно средство. Крепко помогает удержать кошку около себя.

— Что за средство такое?

— Испытанное. Возьми кусочек мяса, поддержи его у себя под мышкой и пусть потом она его съест. Всё! Кошка как присохнет к тебе.

— Ну, вот, буду я ещё ворожить. На старости лет-то, — буркнул Сергей Сергеевич, ставя Симину миску на порог.

Наблюдая за Симой, Фадеич удивился:

— Послушай, в первый раз вижу, чтобы кошка ела чеснок!

— Она ещё и горчицу ест, — засмеялся Сергей Сергеевич.

— Что?

— А вот то! Мы такие, да, Сима?

— А знаешь ли ты, дружище, что на подушечках лап кошка имеет потовые железы. Есть они у неё ещё на щеках, губах, вокруг сосков. И через лапы кошки получают нужную им информацию. Грязь и вода на лапах воспринимаются ими как помеха. Кошка очищает постоянно свои лапки, отряхивает их или облизывает...

Николай Фадеич говорил так, а Сима в это время, оставив миску, тёрлась о ногу гостя и старалась заглянуть в лицо.

— Ну, достаточно пометила? — довольно спросил Фадеич.

— Что ты у неё спрашиваешь?

— Так она же нанесла на меня свои метки. У неё специальные железы расположены по обе стороны лба, между ушами и глазами. Есть такие же вокруг губ, на хвосте. Я ей понравился. Она потёрлась и отметила меня. Не в первый раз. Это знак привязанности. Теперь я — часть её территории!

Он одобрительно смотрел на Симу:

— Вот ведь, практической пользы от кошек никакой. Но правы англичане, считая, что Бог создал кошку, чтобы человек мог наблюдать красоту в чистом виде. И заметь: кошки не льстят и не обманывают. Дурных примеров с людьми не берут!

Он так говорил, а Сима всё тёрлась около его ног и ждала, когда же он снимет со стены гитару и запоёт. Ей так нравилась песня про очаровательные глазки...

Глава 10. ПОПОЛНЕНИЕ СЕМЕЙСТВА

Наступила середина июля. Многие птицы в хлопотах, надо поднимать на крыло своих птенцов. У Симы — свои заботы. Последние три дня она начала заметно нервничать и отказывалась от еды. Живот её за неделю заметно увеличился.

Очаровательные глазки легко прощупал у неё пять головок котят.

Сима, не обращая никакого внимания на своих помощников, искала место, где можно устроить гнездо.

— Это обычные все дела, — успокаивал Очаровательные глазки и Симу, и Сергея Сергеевича. — Не надо волноваться. И гнездо мы определим, не суетитесь.

Сергей Сергеевич отыскал по совету друга деревянный ящичек на чердаке и, довольный, водрузил его в сенях под широкую лавку. На дно его положил подстилку.

Очаровательные глазки одобрил его действия.

— Некоторые кошки «стесняются» присутствия челове-

ка, — пояснял бывший ветеринар, — а некоторые, наоборот, в таких случаях рады тому, чтобы кто-то присутствовал рядом. Посмотрим, как Сима поведёт себя.

Гнездо получилось уютное и безопасное. Ящик отгораживал Симу своими прочными деревянными боковинами со всех сторон. Сверху — широченная лавка. На неё Сергей Сергеевич набросил старенькую ватную куртку. Свисая, она скрывала от посторонних глаз и Симу, и ящик.

Симе понравилось гнездо.

Она перестала бегать по комнате в поисках нового места.

* * *

Через неделю Сима сделалась отрешённой и притихла... Забралась в ящик и будто пропала, забыла про всех.

— Неплохо бы замерить температуру, — рассуждал Фадеич. — С начала схваток она у неё может понизиться от обычной, тридцати восьми градусов, до тридцати шести. Это ничего.

Слушая, как Сима шуршит в ящике, он пояснил:

— Иные кошки выстилают гнездо своей шерстью. А другим не до того, у многих появляется дрожь, увеличивается частота пульса.

Фадеич говорил спокойно, а Сергей Сергеевич начал после таких подробностей волноваться.

— Послушай, может, останешься ночевать у меня? Дело-то не шуточное...

— Ну, уж совсем напугался, — отмахнулся Фадеич. — Сима со всем справится сама. Вот увидишь, она и акушерка будет хорошая, аккуратистка. Спи спокойно, утром я приду. Это для тебя всё впервые. Оглянись, сколько вокруг кошек? Без тебя нарожали! — Он засмеялся и ушёл.

...Утром Сергей Сергеевич обнаружил около Симы в ящике пятерых котят. Всёе прошло пока, как авторитетно заверил пришедший Фадеич, без каких-либо осложнений.

Спокойное поведение Симы подтверждало это. Она деловито заканчивала вылизывать последнего серого, с белыми мордочкой и лапами, котенка. У четверых, появившихся ранее и отчаянно рыжих, шерстка была уже сухой.

И начался у Симы и Сергея Сергеевича новый, особый порядок отсчёта времени, который связан был теперь с ростом котят.

...Уже через две недели у них раскрылись уши. Открылись и глаза, но пока незрячие. Прошла ещё неделя, и котята стали видеть. У всех новорождённых глаза были до своего срока одинакового цвета — голубые. Когда наступила третья неделя, котята потянулись к миске с молоком.

Теперь Сергей Сергеевич называл свои неказистые сени «рыжим общежитием». Примерно через месяц после рождения у котят прорезались зубки. Ему нравились все котята, но особенно последний, тот, который был не похож на всех, не рыжий. Трогательная белоснежная окраска мордочки ниже глаз, передней части туловища и всех четырёх лап сильно выделяла его из остальных.

И сама Сима, как заметил Сергей Сергеевич, чаще всего занималась именно им. Он был менее, чем остальные, подвижен. Но его манера поведения была особенно трогательна и забавна... С первого же утра он получил от Сергея Сергеевича имя Мальш.

Остальным хозяин пока имена не придумал. Звал временно всех сразу «хулиганствующими элементами». Их и отличать друг от друга было трудно.

У Мальша Сергей Сергеевич отметил своеобразные чёрточки характера: тот каждый раз припадал только к одному материнскому соску. Он реже нападал в общих играх на собрата с укусами. Чаще набрасывался на хвост своей матери, которым она, слегка подёргивая, возбуждала любопытство своих детёнышей. Сима заботилась о закреплении охотничьего инстинкта любимых чад... Все пятеро оказались большими любителями приключений. Просыпаясь поутру полными сил и веселья, они готовы были потрогать всё, что окружало их.

Вскоре они уже, делясь на пары, затевали буйные игры. Тот, кому не хватало собрата, вовлекал в игру мать. Сима охотно откликалась на их шумные затеи. Как маленькие дети, они

не могли оставаться без активного внимания Сергея Сергеевича. Наблюдая, порой, при игре с ними за непрерывной сменой выражения их мордашек, он радовался, как ребёнок.

«Мудрость жизни состоит в наблюдении того, как растут дети», — вспомнил теперь Сергей Сергеевич когда-то услышанную фразу.

Раньше он не очень задумывался над ней. Воспитание его приёмного сына проходило с такими зигзагами, что он мало что из этого вынес. Теперь же в кошачьем окружении он видел всё будто другими глазами.

Радостно было не только от факта владения этим шумным жизнелюбивым сообществом. Тихая радость теперь исходила от ощущения непобедимости и нескончаемости жизни, невзирая на все болячки, старость, неверие, заумные рассуждения и прорицания...

...Отныне у него в специальном ящичке образовался целый арсенал приспособлений для игры с котятами. Появились там клубок пряжи и теннисный мяч, и привязанная на длинную нитку варежка. Немало там было всего...

Едва он входил в сени, сразу оказывался в окружении своих питомцев с высоко поднятыми хвостами. Он всех, кроме Малыша, начал звать Рыжиками.

Он баловал котят. Вносил разлад в педагогический процесс Симы. Если котята позволяли себе излишнюю назойливость, Сима могла запросто дать им оплеуху. Надо знать своё место! У Сергея Сергеевича на подобное рука не поднималась. Он оставлял за ней такое право. Она — мать!

Когда он видел, как Сима убегает на озеро и приносит для котят добытую крохотную плотичку или сорожку, он восхищался её материнской самоотверженностью. Поражался тому, сколько у неё забот, а она сама ищет себе новые.

* * *

Было одно обстоятельство, которое вначале сильно беспокоило Симу. В широкой полой доске, прямо около ящичка, темнело небольшое, с мышиную головку, отверстие. Раньше Сима его не замечала или, вернее, не придавала ему значения.

Но однажды... Вначале, когда послышался лёгкий шелест, она подумала, что это ёжик, который куда-то пропал и давно не появлялся.

...Сима не поняла, как это случилось. Не видела, как он оказался рядом. Не почувствовала, как вместе с её котятами, приложившись к соску, начал сосать молоко. Это был большой, уверенный и спокойный в движениях уж. Ужей она никогда не видела. Сима оцепенела от страха. Врождённая неприязнь к змеям заставила кошку затрястись. А гость спокойно продолжал своё дело. Когда насытился, он не спеша удалился. Так повторилось несколько раз. В последующие появления ночью гостя её уже так не трясло.

Потихоньку она, кажется, начала привыкать к его посещениям...

Глава 11. БЕДА

Раньше, когда появлялся сын хозяина Эдуард, Сима уходила из дома и, пока он не уезжал, не возвращалась. К себе не подпускала. С тех пор, как появились котята, при его появлении забивалась в свой ящик. Не выходила сама и старалась не отпускать детёнышей. Чувствовала опасность.

На этот раз он приехал, когда Сергей Сергеевич ушёл в магазин за продуктами. И Сима была в отлучке. Эдуард решил сделать то, что давно задумал...

Обнаружив со двора дверь в сени закрытой, Сима сразу почувствовала недоброе. Она метнулась к лазу, которым всегда пользовалась. Он был закрыт изнутри курткой. Она заметалась вдоль стены дома и, приметив не закрытой на шпингалет створку окна, передними лапами надавила на стекло. Молнией сверкнула через кухню в сени. В ящике был один Мальш. Рыжиков не оказалось. Она выскочила через окно во двор.

...Эдуард шёл с шевелящимся мешком к пруду. Дико зарывав, она бросилась к нему. Он мотнул ногой, Сима отскочила в сторону. Потом вновь приблизилась. Она хотела вцепиться в толстый, пахнущий машиной его ботинок. Он схватил подвернувшуюся увесистую железку и замахнулся. Сима отстала.

Шла за ним мелким кустарником, не чувствуя, как выдирается с боков шерсть.

У воды он завязал мешок узлом, сделав перед этим два отверстия для выхода воздуха. Потом мешок прицепил к железке. Размахнулся обеими руками деловито, не спеша... После, глядя, как расходятся широкие круги на воде, молвил с кривой усмешкой:

— Всем облегчение теперь! А то зверинец развёл. Сам за собой уж не в силах... а тут... Ракам хороший подарочек...

Когда она приплелась в дом, отец и сын разговаривали на кухне. Дверь была открыта. Она услышала, как всегда, звонкий голос гостя.

— Хватит тебе и одного, куда? Сам же говорил, не знаешь, что с ними делать.

— Да, но не так же? — неузнаваемо глухим голосом отвечал Сергей Сергеевич. — Благодетель...

— А как, если у всех тут по две-три кошки? Никому они не нужны. Я сделал обычное дело, на которое ты, конечно, не решился бы. Ты у нас тонкая натура...

— Мне на тебя тошно смотреть!.. Не понимаешь, в какое время живёшь, не ведаешь, что творишь. И по ней, и по мне хлестанул, — голос Сергея Сергеевича стал ещё глуше.

— Опять двадцать пять! Мне что? В город, что ли, их везти усыплять. А разница? Всё равно каюк!

Сима, пошатываясь, ходила вдоль стены. Слушала такие разные голоса. Потом забилась под лавку около ящика. Легла там, устремив взгляд на дверь, откуда должен был появиться этот редкий и страшный гость. Глаза в полумраке её горели недобрым огнём. Уши прижаты к голове. Гнев и раздражение распирала её. Порой из-под лавки доносилось прерывистое завывание.

Отныне неприязнь к Эдуарду в ней закрепилась во сто крат сильнее, чем прежде. И на всю её жизнь! Как все кошки, Сима не умела забывать обиды...

С этого дня время стало сжиматься с ещё более невероятной силой. События начали теснить друг друга, не уместаясь в размеренный ритм, который был совсем недавно. И все они кружили вокруг Симы и Сергея Сергеевича. Не отпускали их, вовлекая в свой неумолимый круговорот.

* * *

Тихий и настойчивый уж продолжал по ночам навещать Симу. Тёмной, еле слышной лентой шелестел около неё. Она привыкла к нему. С тех пор, как не стало её огненно-рыжих котят, когда он прикладывался к её соскам, ей даже становилось легче. Но и ужа вскоре не стало.

...Деловитый ёжик появился после своей долгой отлучки. И подкараулил ужа. Он был опытным охотником.

* * *

Иногда навещался Очаровательные глазки. Бодрился, пробовал шутить. Надолго его такого не хватало. В последнее время он начал быстро терять зрение. Это его печалило.

— Послушай, твоя Сима и ты становитесь похожи друг на друга, — уже не в первый раз говорил он. — У неё походка твоя стала, нетвёрдая. И даже взгляд твой. Не веришь? Такое с животными бывает...

— Фантазируешь? — отвечал почти весело Сергей Сергеевич. — Тогда почему твой бык-полуторник не похож на тебя? Хвост пистолетом, а ты?

— Наверное, потому, что он не Сима, — гнул своё Фадеич.

Сергей Сергеевич теперь частенько ложился на старенький диван. Побаливало сердце.

А Сима каждый день бегала к озеру. Часто можно было её видеть за огородами между могучих дубов. Казалась она там, среди деревьев, теперь маленькой и беззащитной. Как её сгинувшие Рыжики. После исчезновения котят она подходила к хозяину, глядела ему в лицо, искала его взгляд. Будто хотела что-то сказать. О себе ли? О нём ли?

Сергей Сергеевич всё реже поднимался с постели. Всё чаще клал в рот под язык круглую белую таблетку. Это её беспокоило.

Она вяло смотрела на синиц, порхающих за окном. В былые времена Сима садилась на подоконник и наблюдала за добычей. Уголки губ у неё тогда оттягивались назад. Челюсти смыкались, получались ритмичные звуки. Так выражалась её разочарованность по поводу недостижимости птиц.

Теперь ей было не до них. Сергей Сергеевич заметил, что

она старается своего единственного Мальшша надолго одного не оставлять. Берёт беднягу за шкурку и перетаскивает с места на место за собой. А тот меланхолично повинуется.

— Что ты так привередлива? — говорил он будто сам себе. — Боишься и последнего потерять? Бедная.

Сегодня повторилось обычное. Сергей Сергеевич включил старенький телевизор «Горизонт» и прилёг на диван.

Сима с Мальшшом пристроились рядом под столом. Дружная поредевшая семейка коротала летний долгий вечер.

Через некоторое время Симу стало что-то беспокоить. Она как бы очнулась от спячки, вышла из-под стола. Прислушиваясь, стала разглядывать чёрно-белый экран. Потом, схватив за шиворот Мальшша, подтащила его к закрытой двери. Стала тревожно мяукать. Вначале Сергей Сергеевич не обратил на это серьёзного внимания. Слишком уж часто теперь Сима перетаскивала своего дитяню с одного места на другое.

Но просьба выпустить повторилась. Сергей Сергеевич нехотя, с трудом встал и толкнул дверь. В это-то время у старенького телевизора и взорвался кинескоп. Хозяин в первый момент подумал, что кто-то разбил оконное стекло. А вскоре уже собирал осколки экрана телевизора. И не только с пола. На диване, с которого только что встал, их оказалась большая часть. Выходит, Сима спасала от неприятностей не только себя и своё чадо, но и его, Сергея Сергеевича.

Глава 12. ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ

— Завидую я тебе, Сима, — произнёс Очаровательные глазки, обнимая правой рукой лаковую статью гитары. — Твой друг Сергей Сергеевич — такой добропорядочный, аж скучно! Но ты держись за него! Он не предаст! Ты слышишь, Сима? — он слегка повысил голос. — Держись всеми четырьмя лапами. Поняла?

Сима не возражала. По крайней мере, не давала похожих на это знаков.

— А вот хотите, я вам анекдотец расскажу? Про вас!

— Валяй, — согласился Сергей Сергеевич.

— Это вместо таблеток, — успокоил гость. — Веселее будет. Он древний, но забавный.

Однажды решил Лев съездить Кошку. А она опередила. Пригласила его к себе домой в гости. Придя к ней и увидев человека, Лев спросил: «А это кто такой?». «Это человек — мой слуга. Он мне пить приносит, еду...». «Если у неё такой сильный слуга, то какова она? — удивился Лев. И потихоньку удалился с глаз долой.

...Так что, Сергей Сергеевич, дорогой, ты ей не хозяин. В слугах у неё ходишь, — нажимал гость.

— Верно, в слугах, — согласился Сергей Сергеевич. — Но только я ей помощник никудышный. Раздор семейства в своём доме допустил. Она вся испереживалась после такой утраты. Похудела. Ну, дай Бог, отойдёт, может. Я так болею за неё.

Весёлости анекдот не добавил, Сергей Сергеевич размышлял вслух:

— Я вот гляжу теперь на Симу и готов почти согласиться с тобой. Рано или поздно мы добъём живую природу. Как будем жить?

— Придётся переселяться на другие планеты. Одну загадили... Не нам, конечно. Мы с тобой не долетим, рассыплемся. Одна космическая пыль от нас останется... — отозвался его приятель.

— Бегство в Космос? Бред! — внятно проговорил Сергей Сергеевич. — Ни одна планета во Вселенной не заменит человеку Землю. Где ещё есть такая дубрава, как здесь, у меня? Где найдешь такое озерцо, как наше Дубовое. Там, где-то в космосе, будем уже не мы, наши слепки!

Очаровательные глазки не перебивал своего приятеля, слушал.

— «И на Марсе будут яблони цвести» — пели? Ведь так?! Заблуждение. Не будут! Надо сохранить цветущими сады на Земле. Но как сделать, чтобы молодые всё это сейчас поняли, а не когда окажутся в нашем возрасте, через пятьдесят лет? Тебе в школу надо всё-таки вернуться. Ты здесь единственный, кто может хоть что-то сделать.

Очаровательные глазки отозвался:

— Моя благоверная Клавдия всё говорит о каре, которая

нас всех постигнет. В Америке ураган случился, так она сразу: «Вот, смотри! Другой раз покрепче дунет — и нет нас всех. Смахнёт одним разом за дела наши!». Нас стало около шести с половиной миллиардов человек на планете. Сколько от каждого идёт злого земле, воде... И верно, для чего жили?

Он подошёл к окну. Задумчиво посмотрел во двор. И негромко согласился:

— Мы с тобой об одном и том же говорим. Я не ведаю, как погибнет мир. Как меня не станет — знаю. Мой insult всегда со мной...

Сергей Сергеевич слегка взмахнул рукой:

— Николай, будет тебе... Поскрипишь ещё...

— Конечно, поскрипим, — охотно согласился Очаровательные глазки.

Но не умолк, а продолжил свои рассуждения вслух:

— Один умный человек однажды сказал: «Смерть человека — это как выход из трамвая. Сойдёшь на своей остановке и заметят это только те, кого толкнул, либо кому уступил место...». Торопиться надо в добрых делах.

— Что это у тебя торчит блестящее из кармана, всё не спрошу? — проговорил Сергей Сергеевич.

— Перехожу, как теперь модно говорить, на оргтехнику, — ответил Очаровательные глазки. Он вынул и показал внушительную лупу в полиэтиленовой светлой оправе. — Зачастил в райцентр. Оформляю инвалидность по зрению. Решился. Льготные лекарства буду получать.

Побывал в областном обществе слепых, познакомился, что да как у них? Оказывается, слепых у нас в губернии три тысячи человек. И ничего, живут. Собираются, песни поют. Даже пары себе находят среди таких же.

Раньше думал, что впереди у меня мрак. Один глаз совсем почти вышел из строя, другой на тридцать процентов всего видит...

...Конечно, поживу. Другие-то живут. Такова задачка на текущий момент. Помнишь, как говорилось в одном неплохом советском романе: «Надо было жить и исполнять свои обязанности».

На моем языке это звучит так теперь: «Надо отрабатывать свою пенсию»... Хотя и с гулькин нос она...

Глава 13. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Сегодня опять возник в доме Сергея Сергеевича Эдуард. И объявил новость:

— Отец, я перебираюсь за границу, в Чехию. Хотя ты всегда был против.

— Совсем? — не удивившись, спросил Сергей Сергеевич.

Эдуард стоял лицом к окну, делая вид, что ему гораздо интереснее происходящее во дворе, а не в этой низенькой с потемневшими обоями комнатке.

— У меня договорённость с фирмой на год. Потом видно будет. Сделаю всё, чтобы остаться.

— Не пропасть бы тебе там, чужая сторона...

— Это тут бояться надо. У нас бедлам. В этой стране долго порядка не будет.

— В этой? — как эхо повторил отец.

— Не будем придирааться к словам. Спорить не хочу. Наговорились с тобой об этом. Нахлебался... Дождаться старости такой, как твоя здесь, не хочу.

— Так, значит?..

— Да, приехал проститься. Квартиру я оставляю знакомому, машину — тоже.

— Что ж, вольному воля, — только и сказал Сергей Сергеевич.

Они ещё потом говорили. Но недолго. Эти два человека по-настоящему так и не стали близкими.

— Значит, я теперь совсем один, — не удержался Сергей Сергеевич. Голос его дрогнул.

— Ладно, отец! Ты всегда был независимым. Не приbedняйся. Вон, Сима с тобой. Затаилась в снях, только и ждёт, чтобы я слинял.

Заслышав своё имя, Сима ещё больше забеспокоилась. Хвост её застыл внизу у пола.

— Когда уезжаешь? — спросил Сергей Сергеевич.

— Намеренно не говорил, чтоб не волновать. Через два дня самолёт из «Шереметьева», завтра отчалию в белокаменную.

Эдуард с напускной весёлостью подал руку. Не торопясь,

Сергей Сергеевич протянул свою. Когда гость выходил из дома в сени, Сима припала к полу. Голова её опущена, глаза расширились. Издав горловой звук, похожий на вой, она готова была к нападению.

— Чертово отродье, — визгливо выкрикнул розовощекий и поторопился на улицу.

* * *

Ночью Сима спала беспокойно. Слышала, как ворочался в кровати хозяин.

Утром Сергей Сергеевич не встал с постели. Поднялся только в полдень. Вышел потихоньку во двор. Сосед оказался дома. Сергей Сергеевич подошёл к забору, тихо позвал... Сима тёрлась около его ног.

Пока шёл сосед, хозяйина пронзила резкая кинжальная боль за грудиной. Он побледнел ещё больше, слабеющими руками стал хвататься за узкий штaketник.

Тогда впервые Сима услышала слово «стенокардия».

* * *

На своей дребезжащей машине сосед увёз Сергея Сергеевича в город. Вернувшись один, уже совсем вечером, зашёл, гремя ключами, в сени, положил рядом с ящиком кусок докторской колбасы:

— Теперь недели на две я ваш и кормилец, и поилец, — тихо, не как всегда, сказал он.

Такой его голос ещё больше насторожил Симу.

Глава 14. ТОСКА

Прошла неделя с той поры, как не стало в доме Сергея Сергеевича. Сосед каждый день приносил еду. Но не еда беспокоила Симу. Она тосковала. Отсутствие хозяина не давало ей покоя.

Сима перестала по утрам умываться, хотя любила это делать. Раньше хозяин с удовольствием помогал ей умываться.

Помогал избавляться от грязи, от выпавших волос. Всегда начинал эту процедуру с поглаживания, пробегал пальцами по её меху, пригласив к себе на колени.

Теперь ничего этого не было.

Она перестала охотиться даже на рыбок. Не ходила на озеро.

«Надо ждать», — слышала она, когда забегала к соседу во двор и старалась оказаться у него на пути.

Сосед Дмитрий куда-то всегда торопился. Что-то то привозил, то увозил на своей машине. Хозяйка звала его «мой челночок». Что это такое, Сима не понимала. Она недоумевала, почему он уезжает утром и вечером возвращается, а Сергей Сергеевич — нет.

Приходил днём Очаровательные глазки. Но притихший и не весёлый, как прежде.

— Потерпи, Сима, — говорил он срывающимся голосом. — Вот утихомирю болячки, поеду к Сергею Сергеевичу. Приеду, расскажу тебе.

Потом спохватился:

— А может, тебя взять с собой, а? Возьму, пожалуй, изболевась...

Он ушёл, и опять наступила тоска. Время шло, а ничего не менялось.

Сегодня рано утром у колодца Сима наткнулась на крупную жабу. Она сидела под широким листом мокрого лопуха. Возникший азарт встряхнул было кошку. Она оживилась. Но медлительность и неуклюжесть жабы показались ей подозрительными. И она вспомнила, что в городе была у неё подобная встреча. Тогда Сима вцепилась зубами в шею похожей жабы, неожиданно обнаружив её на газоне. Получив рану, жаба выпустила яд из бугорков, расположенных по обе стороны её толстой шеи. Сима тогда тут же отбросила добычу от себя, настолько мерзко стало во рту.

Жаба плюхнулась на землю и спокойно спряталась в траве. У Симы после таких воспоминаний не было сейчас желания связываться с этой неповоротливой, но коварной тварью.

* * *

Кошки не любят резких перемен в жизни.

Сима начала чувствовать неполадки в своём здоровье. Известно же, где царит тишина и покой, там здоровье и хозяйина, и кошки. А тут такое...

Очень хотелось видеть доброе лицо Сергея Сергеевича.

Но не было ни его, ни спокойствия. Одна отрада: оставшийся её единственный котёнок. Хотя ему чуть больше месяца, заботливая мать уже пыталась его кое-чему научить. Он оказался смышлёным. Обычно только к возрасту в десять — двенадцать недель взрослые кошки успевают обучить своих чад, как умываться, как правильно есть, пользоваться приспособлениями для точки когтей.

Сима эти уроки уже начала давать единственному теперь котёнку.

Мальш нравился соседу. И она чувствовала, что, если даже на время покинет его, он не пропадёт...

Котёнок ел уже самостоятельно. И был на удивление послушным. Ей ни разу не пришлось его наказывать. Он не боялся отлучаться от матери и часто выбегал из сеней во двор.

* * *

Сима понимала, что начинать искать своего хозяина надо с его квартиры в городе. С той, в которую однажды свалилась. Эту квартиру она хорошо запомнила.

В ней следы, запахи... Они могут помочь.

Надо действовать! Её окружают хорошие люди, но они заняты своими делами.

Ей разонравилось бывать у соседей.

Приехавший их внук любил шумные развлечения. Часто звучала теперь весёлая громкая музыка, не так как в их доме при Сергее Сергеевиче. Такая музыка была для неё невыносима.

...Но ноги сами привели её к соседям. Дмитрий возился в сенях.

— Да не волнуйся ты, беспокойная душа. Здесь он загнулся бы, не успеи мы вовремя добраться до врачей...

Она смотрела на него большими, округлившимися глазами, слушала.

— Там, где сейчас Сергей Сергеевич, миллион людей. Не дадут пропасть! Город всё-таки! Иди и жди дома, — уже строго почти приказал сосед.

Сима слушала его, смотрела ему в лицо...

Она не видела, чтобы он улыбался и прищуривался, когда глядел на неё, как это делал хозяин. Его широкие брови, глаза и рот были суровы. Всё это не давало успокоиться.

Когда шла обратно, услышала в дубраве дробный стук дятла. Но не помчалась, как раньше, на этот звук. Наблюдать за дятлом ей теперь неинтересно.

Она возвратилась в свои сени. Села у окна и стала смотреть на дорогу. Дорога уходила далеко-далеко туда, где деревья становились маленькими и земля смыкалась с небом.

Там где-то был её хозяин.

Туда его увезла машина.

Эта машина теперь стояла под навесом. Её хозяин был дома, а Сергей Сергеевич отсутствовал?

Трудно понять, почему это так...

* * *

Не стало в доме хозяина и на кухню повадилась забегать большая проворная крыса.

Если бы нам и очень хотелось, всё равно о крысах ничего сказать хорошего не смогли бы. Такой уж это зверь.

И вот теперь крыса своими твёрдыми зубами прогрызла отверстие в полу и хозяйничала там, где лежало продовольствие.

До этого она успела загрызть у соседей кролика и двух цыплят. Сима терпеть не могла эту тварь с наглыми прищуренными глазками. И крыса избегала встречи с кошкой.

Так получилось, что они не разминулись. Сима была не только ловкой, но и смелой. К тому же защищала дом своего хозяина.

...Она с отвращением, но всё же вытащила убитую ею в изнурительной схватке жирную крысу из кухни во двор и оставила в углу около изгороди.

Не могла есть эту мерзость.

Пошатываясь, обессиленная, пошла к колодцу, где стояло корыто с водой. Её мучила жажда. Саднило в правой, крепко оцарапанной ноге, чуть выше колена.

* * *

Утром, едва рожок смутлого пастуха в выцветшей за лето шляпе заиграл в конце улицы, собирая, как обычно, бурёнок в стадо, умер Очаровательные глазки.

Сима почувствовала его смерть раньше всех. Ещё родня его спала, жена поднялась выгонять корову, а он лежал на верандочке в односпальной кровати с панцирной сеткой и спокойно смотрел неживыми глазами в дощатый, с большими трещинами потолок (сколько раз собирался перестелить доски, не успел). Настиг всё-таки Николая Фадеича insult.

Сима сначала металась в сенях, не в силах успокоиться. Потом выскочила во двор и побежала к дому умершего...

Глава 15. УСПЕТЬ!

Прошло ещё три дня. Наконец-то рана у неё на ноге затянулась и она решилась...

Сима вышла из дома на рассвете.

В начале второй недели она пришла в город. Позади был путь длиной почти в тридцать километров. Она сильно похудела. Стала выглядеть намного старше.

Её великолепная рыжая шерстка висела теперь по бокам грязными клочьями. На спине, куда она не могла достать лапами, вцепились в свалывшуюся шерсть жёсткие репы. Взгляд её стал блуждающим.

* * *

...В первый день, пока Сима бежала просёлком, ей удалось, почти не задерживаясь, поймать двух кузнечиков.

С жадностью, не позволив себе поиграть с ними, она съела их.

На другой день повезло больше. Около маленького стожка сена она поймала мышь. В сене попискивали её сородичи. Стожок, очевидно, был облюбован полевками для зимовки. Можно было пожить ещё. Но ей было не до того. Она пошла быстрее. Усы её были напряжены и растопырены во все стороны, помогая ориентироваться в пространстве.

...Стоял уже конец августа и лес заметно стал другим. Смолкли в листве птичьи голоса. Летние певцы теперь сбивались на опушках в стаи. Им предстояло лететь за моря и океаны. Путь намного грандиозней, чем у Симы.

Но и Симе непросто...

Два следующих дня она ничего не ела.

Порхали разноцветные бабочки над её головой, но она с игривой радостью на них теперь не смотрела, как раньше, во дворе Сергея Сергеевича.

В глазах её была тоска. И в то же время — решимость. Ей надо было торопиться!

Сима порой забывала про голод. Не позволяла себе отклоняться от своего маршрута. Не приближалась к людям, чтобы с их помощью подкрепиться. Надеялась только на себя. Так она берегла время. Но голод брал своё...

В пригороде, перед окнами приземистого бревенчатого дома в кустах сирени чирикали воробьи. Их оказалось так много!

Сима стремглав метнулась от сложенного из железнородных шпал сооружения к опрокинутому ведру под кустом и затаилась. Она вся задрожала от предвкушения так необходимой ей сейчас удачи.

Сима выбрала своей целью добродушного воробья, сидевшего на самой нижней ветке. Напряжённо ждала, когда лист сирени закроет её от птицы, чтобы их взгляды не встретились. Только в такие моменты она нападала на жертву.

Но вдруг за спиной Симы раздался громкий лай. Лохматый и противный дворняга, лежавший до этого с закрытыми глазами у крыльца дома, опомнился. Подскочив к Симе, он зарычал. Застигнутая врасплох, она, не видя путей к отступлению, отпрыгнув от ведра, изогнула спину и зарычала, сделавшись необычно устрашающей. Пёс опешил и отпрянул к крыльцу.

Сима воспользовалась его замешательством и юркнула в пролом низенького зелёного заборчика.

Она не сильно испугалась нечёсаной дворняги. Жалела, что не удалась охота. Домов с палисадниками было много. Значит есть, где поохотиться. И верно, у крайнего от железной дороги дома ей повезло.

Там, под акацией, тоже была туча воробьев. И не было дворняг. Шумливая птичья ватажка вскоре уменьшилась на одного своего нерасторопного собрата.

Но дождь воробьи всё-таки «нашумели».

Сима переждала ливень в завалившейся набок пустой тёмной мазанке и вновь продолжила свой путь.

И в сумраке, когда человеческий глаз теряет, она шла. Кошки лучше, чем люди, видят в темноте...

...У железнодорожной платформы с ней случилась беда.

Она оказалась между двумя грохочущими встречными составами. Сима никогда не видела поезда. Эти два длинных чудовища были похожи для неё на огромных отвратительных гусениц, пахнувших железом и чем-то ещё более отталкивающим и непривычным... Заметавшись между ними, с горящими круглыми глазами, она порезала битым бутылочным стеклом левую переднюю лапу.

Долго заниматься собой, зализывать рану она не стала. Поковыляла на трёх лапах в город. Кровь сочиться перестала, но Сима не решалась наступать раненой лапой. Держала её на весу.

Оказывается, город она почти не знала. Не знала и точную дорогу к дому Сергея Сергеевича.

Но у неё были свои ориентиры. Они ей указывали путь. Множество запахов, от которых она уже начала отвыкать, окружали её теперь.

Одни — помогали, другие — мешали.

Получалось так, что ей предстояло преодолеть автомобильный мост через реку.

Этот мост она никогда не видела. Когда ехала в машине в деревню, могла бы видеть. Но Сергей Сергеевич заботливо укладывал её в корзину на заднем сиденье, вот и проглядела.

Направляясь по берегу вдоль воды к мосту, сообразила, что в реке могут быть рыбки.

Река оказалась странной: столько много воды, а рыбок не было. Не так, как в деревне.

Напрасно она вглядывалась, семена по мокрому песку. Добыча не просматривалась. Впереди, метрах в трёх от себя, она заметила маленького лягушонка. Тут же, ступив в сторону от воды на сухой песок, притаилась, решив, что наконец-то ей повезло...

Но в следующий момент сильная боль обожгла левую пораненную ногу.

— Попал! — беспечно воскликнул кто-то.

Сима повернула голову. Мимо шли мальчишки с удочками.

— Ну и балда, что попал, — отозвался длинный в белой майке.

— Да ладно. Она бродячая, — сказал тот, который был в куртке и намного ниже ростом. — Болтается без дела.

Глядя на него, Сима издала звуки, похожие на рычание.

— Видишь, какая злюка! — как-то даже с радостью сказал мальчишка в курточке.

Рыбачки прошли мимо. Сима поплелась своей дорогой к мосту. В тени железобетонной сваи ей попались два дождевых червя. Она с жадностью их проглотила.

На мосту было много машин. Они двигались сами по себе, своей дорогой. А сбоку оказалась дорожка, по которой спешили люди. Их было мало. Все они торопились, поэтому не обращали на неё внимания.

В самом конце моста две женщины красили ограждение. Одна из них, круглолицая, увидела Симу и стала искать что-то в кармане куртки, но кошка шмыгнула у них между ног и быстренько, как могла, удалилась. Не верилось Симе в случайную доброту. Слишком дорого это может стоить.

* * *

После моста, на перекрёстке, выскочив на красный сигнал светофора, она чуть было не попала под автомобиль.

Всё решили секунды. Она удачно проскочила меж колес.

Симе явно не хватало опыта городской жизни. Откуда ей было знать людские правила, да и не воспринимала она красный цвет. Различала только зелёный и голубой.

Уже начинало смеркаться. В городе зажглись фонари. И в этом сонме огней светились теперь особым светом глаза Симы. Они излучали необычный свет. Кажется, очень важный для неё. Будто в городском шуме глаза её, свет её глаз дополнительно к её кошачьему слуху и нюху помогали отбирать необходимые ей звуки и запахи.

Эти светящиеся и ночью, и днём живые источники света служили ей отменно.

Симе необходимы были звуки, присущие её прежнему, городскому дому. Они связаны были с её хозяином.

Теперь, когда она пересекла реку, ей стало ясно, что Сергей Сергеевич дома. Эта уверенность не давала ей задерживаться на городских мусорках, благодаря которым она могла утолить голод.

Кошка по натуре своей спринтер, долгий путь ей непривычен, поэтому Сима сильно устала. От перенесённого стресса и от того, что не умывалась, у неё завелись блохи. Они беспокоили её.

* * *

Она едва держалась на ногах, когда подошла к знакомому дому. Он был всё такой же!

Но дверь оказалась другой, новой. И она выглядела неприступной. Сима обнюхала её. Везде было железо. Щели маленькие. Надо спешить! У неё сильно забилося сердце.

Вспомнилась вентиляционная труба на крыше, через которую она попала впервые в квартиру Сергея Сергеевича.

«А если через неё? Люди отгородились друг от друга железными дверями. Что делать?..» Дверь неожиданно открылась. Сима ринулась в проём. Но крепкая нога отбросила её в сторону. Выходивший грузный человек недоумевал:

— Вот ведь развелось кошар! Прут, покоя нет...

Её здесь не все знали. Она оказалась чужой. Грузный и громкий человек ушёл. Сима решила схитрить. Залегла за урной для мусора, стала выжидать. Трудное дело ждать, когда на это нет времени...

...Наконец дверь открылась. Вышли он и она. Молодые. Трогая друг друга, они приостановились. Сима ползком шмыгнула в дверь. Едва оказалась по другую сторону порога, забыв о боли, обо всём, метнулась на шестой этаж.

Вот она, знакомая дверь! Старая, не прочная. Выкрашенная светлой краской.

Сима стала неистово царапать дверь и мяукать.

Сергей Сергеевич услышал её царапанье и голос, но из-за слабости встать не мог. Он терял сознание.

...Соседке надоели кошачьи вопли и она вышла на площадку.

Сима оставила на неё свои светящиеся жёлто-зелёные глаза. Обе какое-то мгновение молчали.

— Ты чего балуешь? — начала было зло полная женщина, но широко раскрытые зрачки кошки заставили её замолчать.

В кошачьих глазах были страх и безмерная мольба. Схватившись за грудь, соседка выдохнула свою догадку:

— А, батюшки, неужто помер?..

Бросила своё рыхлое тело назад в квартиру. Вернулась на площадку с незнакомым Симе мужчиной, высоким и худым.

Трясущимися руками женщина пыталась открыть дверь, приговаривая:

— Хорошо, что сын-то его, уезжая, оставил мне ключи эти. А я никак не передала их Сергеевичу, не успела... И в больницу не успела. Скоро так выпишали... Приступ стенокардии, мыслимо ль торопиться?..

Кому она говорила эти слова? Угрюмому коренастому мужчине или Симе? Непонятно. И зачем говорила?

Когда открыли дверь, хозяин лежал без движений. Боль приутихла. Одолевала резкая слабость. Он не в силах был подняться. Его влажные руки и лицо поражали белизною.

Он понял, что умирает, и смирился.

Сима прыгнула к нему в кровать.

Скосив глаза, не двигаясь, Сергей Сергеевич, не удивившись, сказал с усилием:

— А, Сима! — глаза его потеплели. — Извини, я тебя не бросил. Так получилось...

Сима придвинулась совсем близко. Её язычок нежно прикоснулся к его пальцам, потом последовало потирание головой о плечо больного. Поглаживая лапкой бледную кисть левой его руки, Сима уже знала, что её хозяин будет жить...

— Там на полу таблетки, упали, — тихо сказал он. — Не смог...

— Что же это мы? — спохватилась женщина.

Наклонилась и подняла из кучки рассыпавшихся мелких таблеток две, положила ему в рот.

Он слабо улыбнулся непослушными губами.

— Знаю, Сима, что я тебе небезразличен, но чтобы вот так?! Думал, ты по расчёту ко мне прибилась жить, ошибся...

Сильное мурлыканье подействовало на соседку:

— Эх, ты!

Она протиснулась на кухню к телефону и стала набирать номер «скорой помощи».

— Вот ведь как бывает! — говорила она, ожидая голос в трубке. — Разыскала-то как вовремя!

Сима, поджав под себя лапы и обернув вокруг тела хвост, сидела, излучая счастье и покой.

Хмурый и молчаливый знакомый соседки пошёл на улицу встречать врача «скорой».

— Ты, Сима, от пыли стала серой. Вот поправлюсь, искупаю тебя, — сказал хозяин. — Как тогда, в первый раз. И Мальшша твоего привезём. Одного не бросим.

— Воды третий день горячей нет, а он — «искупаю», — подала голос соседка.

— А мы для чего? Не нагреем, что ли? — слабо ответил Сергей Сергеевич. И, взглянув искоса в окно, молча улыбнулся.

На улице, оказывается, был светлый солнечный день.

Жизнь продолжалась.

2006 г.
Январь — март

Содержание

Глава 1. С НЕБА НА ГОЛОВУ	3
Глава 2. НЕОБЫЧНЫЕ ЗАБОТЫ	6
Глава 3. НЕЛЕГКО БЫТЬ ПОСЛУШНОЙ.....	11
Глава 4. ЖИЗНЬ В ДЕРЕВНЕ.....	15
Глава 5. НОВОСТЬ – ТАК НОВОСТЬ.....	20
Глава 6. СТАРЫЙ ДА МАЛЫЙ.....	23
Глава 7. РАЗГОВОРЫ О ЖИЗНИ	26
Глава 8. ОБИДА.....	28
Глава 9. ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ ГЛАЗКИ	30
Глава 10. ПОПОЛНЕНИЕ СЕМЕЙСТВА	34
Глава 11. БЕДА	38
Глава 12. ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ.....	41
Глава 13. ПРЕДАТЕЛЬСТВО.....	44
Глава 14. ТОСКА	45
Глава 15. УСПЕТЬ!	49

Александр Станиславович Малиновский
НОВОЕ ИМЯ
Повесть

Компьютерная верстка – Александр Громов
Корректор – Светлана Сергеева

Издание подготовлено
Самарским отделением Литфонда России
443001, г. Самара, ул. Самарская, 179, тел. 332-48-01

Подписано в печать 04.08.2006. Формат 60x84/16.
Усл. п.л. 3,25. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфического комплекса «Содружество»
г. Самара, ул. Венцика, 78, тел. (846) 310-86-30.